

© А. М. СТОЧИК, С. Н. ЗАТРАВКИН, 1996

УДК 616-091:378.661]:93

А. М. Сточик, С. Н. Затравкин

**ПРЕПОДАВАНИЕ АНАТОМИИ НА МЕДИЦИНСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
В XVIII ВЕКЕ***

Московская медицинская академия им. И. М. Сеченова, НПО "Медицинская энциклопедия" РАМН, Москва

О преподавании анатомии на медицинском факультете Московского университета, в том числе и в XVIII веке, в отечественной историко-медицинской литературе написано немало. Такое внимание к истории этого вопроса объясняется в первую очередь тем, что, по мнению авторов специальных

статей в юбилейных сборниках, отдельных публикаций в центральных медицинских журналах¹, анатомия в XVIII веке

*Авторы приносят искреннюю благодарность академику РАМН, профессору М. Р. Сапину за ценные замечания и предложения, высказанные при рецензировании рукописи.

¹Бочаров В. Я. К истории развития анатомического музея кафедры анатомии человека I ММИ им. И. М. Сеченова // Архив анатомии, гистологии и эмбриологии. — 1979. — № 10. — С. 74—81; Карузин П. И. Краткая история анатомических институтов при I Московском государственном университете // Отд. от. из Отчета 1-го МГУ за 1925—1926 гг. — М., 1927.

была " одной из основных медицинских дисциплин" и играла чуть ли не определяющую роль в подготовке врача². Эта позиция, являясь отражением взглядов современных исследователей, являясь причиной того, что введение практических занятий со студентами по анатомии на трупах стало служить главным показателем высокого уровня преподавания этой дисциплины. Открытым оставался лишь вопрос о том, когда начались такие практические занятия. Здесь мнения исследователей расходятся. Одни считают, что преимущественно теоретический характер преподавания сохранялся вплоть до принятия устава 1804 г., и тем самым дают низкую оценку его уровню³. Другие отмечают, что, несмотря на трудности, с которыми пришлось столкнуться первому профессору анатомии Московского университета, практическое преподавание этой дисциплины было введено уже И. Ф. Эразмусом⁴. Третьи, ссылаясь на расписание лекций Ф. Ф. Керестури, указывают, что секционные занятия по анатомии были введены в последнее десятилетие XVIII века⁵. Попробуем разобраться в этом, но прежде рассмотрим, насколько применимы к университетскому курсу анатомии XVIII века критерии, избранные указанными исследователями.

В начале XVIII века анатомия и как наука, и как университетский предмет преподавания представляла собой сугубо естественнонаучную дисциплину, связи которой с врачеванием еще не были четко обозначены. Значение детального знания строения человеческого тела для практической деятельности сознавали лишь немногие врачи. Тому было несколько причин. Прежде всего не следует забывать, что возникновение и дальнейшее развитие новой анатомии не были непосредственно связаны с запросами и потребностями медицины. Являясь одним из наиболее ярких феноменов культуры Возрождения, она возникла как результат устремленности человека Возрождения к Богу, к прекрасному и к знанию. По знанию строения человеческого тела и взаимодействия его частей раскрывало великие тайны, позволяло постичь внутреннюю организацию существа, созданного по образу и подобию божию, позволяло постичь подлинную гармонию, вознившую и существующую благодаря божественному вдохновению Творца. Гармония строения и движений человеческого тела стала идеалом прекрасного. Не случайно же революцию в анатомии подготовили не столько врачи, сколько живописцы и скульпторы, более чем за столетие до А. Везалия порвавшие с традициями плоскостного, статичного изображения человека, чтобы показать его в жизни, в движении, в радости или страдании. Еще ненужная или, мягче говоря, невостребованная медициной анатомия начала бурно развиваться, самым фактом своего развития подтверждая неизбежность принципа самоценности знания.

О познании мудрости Создателя как стимуле и одновременно важнейшей задаче новой анатомии неоднократно говорил ее основоположник А. Везалий. " Различные исследования тела, о гармонии которого мы постоянно возвещаем и которое самому человеку совершенно неизвестно, пишутся нами, чтобы рассмотреть по божественному вдохновению соединения не органов, а соединения неизмеримых деяний Творца, назначению которых мы удивляемся", — указывал А. Везалий в предисловии к "Эпитоме"⁶. Именно этот стимул, эта задача определили и опережающий характер развития анатомии в XVI—XVIII веках по сравнению с медициной, и известную независимость его от потребностей практической медицины и хирургии.

Вместе с тем с конца XVI века анатомическими исследованиями занимались главным образом врачи, совмещавшие эти занятия с медицинской практикой. У многих из них постепенно накапливался материал, свидетельствующий о важности анатомических знаний для понимания сущности

болезней и функционирования организма человека. С их деятельностью связаны попытки сблизить анатомию с тогдашней теоретической и практической медициной.

На протяжении XVII — первой половины XVIII веков наибольшее значение в этом плане имели работы представителей, так называемого ятромаханического (ятрофизического) направления в медицине. Их стремление объяснить все процессы и явления, наблюдаемые в организме человека, на основе законов механики неизбежно привело к необходимости в точном знании морфологического субстрата этих процессов и явлений.

Исследования и открытия в области изучения кровообращения (Ф. Вальверде, Р. Коломбо, У. Гарвей, М. Мальпиги, Дж. Борелли) и лимфатической системы (Г. Азелли, Т. Бартолин), пищеварения и дыхания (Г. Бургава), нейромышечной физиологии (Ж. Сваммердам, дю Верни, Г. Бургава, А. Монпелье, А. Галлер и др.), а также попытки ряда авторитетных исследователей (Г. Бургава, Ф. Гоффман) объяснить наблюдаемые в клинике повреждения тех или иных функций с позиций уже установленных функциональной анатомией механизмов функционирования здорового организма привели к пересмотру целого ряда положений прежней умозрительной физиологии и патологии и тем самым показали врачам путь использования анатомических данных для развития теоретических основ медицины. О признании в XVIII веке функционального направления в анатомии, осознании его важности для врачебной деятельности свидетельствует также организация на медицинских факультетах европейских университетов сначала отдельных профессорских курсов анатомии и физиологии, а затем и кафедр. Кафедра анатомии и физиологии была открыта и в России в Академии наук (1725).

Другим направлением использования анатомических данных для нужд теоретической и практической медицины явилось сопоставление обнаруживаемых в ходе анатомических исследований отклонений от нормального строения органов и частей человеческого тела с симптомами заболеваний, приведших к смерти больного. Само название этого направления, возникшего в XVII веке, — медицинская, или врачебная, анатомия — подчеркивало значимость анатомии для медицины. Однако влияние таких исследований на массовое сознание врачей даже в начале XVIII века было незначительным; дело ограничивалось лишь рамками описаний отдельных клинических случаев. Дать им оценку, понять до конца значимость этих наблюдений и метода клинико-анатомических сопоставлений, а тем более сформулировать обобщающие выводы было в тот период под силу лишь выдающимся мыслителям.

По-видимому, первым это удалось сделать Ф. Бэкону, который прямо заявлял, что проведение анатомических исследований с целью установления клинико-морфологических параллелей должно стать одним из основных средств изучения болезней и разработки методов их эффективного лечения⁷. Идеи Ф. Бэкона полностью разделял и его друг, ученик Г. Фаллопия, У. Гарвей. Он не только повторил призыв Ф. Бэкона в отношении занятий анатомией, но и своими как экспериментально-физиологическими, так и патологоанатомическими исследованиями в первой половине XVII века подтвердил правильность такого взгляда на значение анатомии для медицины. "В моей медицинской анатомии, — писал он в письме к одному из своих основных оппонентов декану медицинского факультета Парижского университета Ж. Риолану (младшему), — я излагаю на основании многочисленных вскрытий трупов лиц, умерших от серьезных и страшных болезней, какие изменения претерпевают внутренние органы в отношении объема, структуры, консистенции, формы и других свойств сравнительно с их естественными свойствами и признаками, и к каким разнообразным и замечательным недугам ведут эти изменения. Ибо как рассечение здоровых и нормальных тел содействует успехам философии и здоровой физиологии, так изучение больных и худосочных объектов содействует философской патологии"⁸.

Однако до тех пор пока Дж. Б. Морганьи в своем фундаментальном труде "О местоположении и причинах болезней, выявленных анатомом" (1761) на значительном количестве наблюдений не доказал универсальность причинно-следственной связи между повреждением структуры органов и клиническими проявлениями болезней, до тех пор пока патологоанатомические данные не вышли за пределы научно-исследовательских работ и не стали широко использоваться в тера-

²См., например: Вавилов С. Г. Кафедра нормальной анатомии // Очерки по истории I Московского ордена Ленина медицинского института им. И. М. Сеченова. — М., 1959. — С. 86.

³Колосов Г. А. Медицинский факультет Московского университета в XVIII веке // Советская клиника. — 1932. — № 2—3. — С. 137; Палкин Б. Н. Русские госпитальные школы XVIII века и их воспитанники. — М., 1959.

⁴Вавилов С. Г. Кафедра нормальной анатомии // Очерки по истории I Московского ордена Ленина медицинского института им. И. М. Сеченова. — М., 1959. — С. 87—89.

⁵Российский Д. М. 200 лет медицинского факультета Московского государственного университета. — М., 1955. — С. 30; Успенский К. П. Кафедра нормальной анатомии // 175 лет Первого Московского государственного медицинского института. — М., 1940. — С. 65.

⁶Везалий А. Эпитоме. — М., 1974. — С. 22.

⁷Бэкон Ф. О достоинствах и усовершенствовании наук // Кн. IV собр. соч. — СПб., 1874. — Т. 1. — С. 300—306.

⁸Гарвей У. Анатомическое исследование о движении сердца и крови у животных. — М., 1948. — С. 175.

певтических (И. П. Франк, К. Гуфеланд, Ж. Н. Корвизар, М. Бейли и др.) и хирургических (Ю. Х. Лодер, С. Купер, И. Меккель и др.) руководствах и учебниках, медицинских теориях и нозографиях (Ф. Пинель), эти призывы оставались гласом вопиющего в пустыне, а потребности практической медицины в знании строения человеческого тела ограничивались рамками достаточно общей схемы.

Причины такого отношения врачей XVII и большей части XVIII столетия к анатомии крылись в том, что, несмотря на определенные успехи экспериментальной физиологии и патологической анатомии, теоретической основой практической медицины продолжали оставаться прежние во многом схоластические физиология и патология, строившиеся на традиционных представлениях гуморальной и (или) солидарной теорий. Для подавляющего большинства врачей представления о болезни, механизмах ее развития и, следовательно, о научном подходе к лечению были связаны с нарушением взаимодействия в организме человека жидких и твердых его частей, отклонениями от нормального соотношения соков и т. п. Не случайно один из крупнейших патологов первой половины XVIII столетия Г. Шталль прямо заявлял, что медицина не нуждается в анатомии⁹.

Существование на протяжении большей части XVIII века двух различных взглядов на значение анатомии для медицины и врачебного образования определило существование и двух подходов к ее преподаванию на медицинских факультетах европейских университетов. В отношении того, как велось преподавание анатомии, все университеты Европы можно условно разделить на две группы. Первая включает университеты, которые являлись центрами ее развития, где анатомия преподавалась в возможно полном объеме и, главным образом, практически; вторая — медицинские факультеты университетов, где анатомия читалась как одна из дисциплин, составлявших естественнонаучную подготовку медика, в объеме, соответствовавшем потребностям в анатомических данных теоретической и практической медицины того времени.

К первой группе относились университеты, в которых профессора анатомии сами занимались научными исследованиями в этой области и считали анатомию одной из важнейших теоретических основ медицины (Ф. Рюйш в Амстердаме, И. Дювернуа и Я. Винслоу в Париже, Б. Альбинус в Лейдене, А. Вальсальва в Болонье, Дж. Б. Морганьи в Падуе, А. Галлер в Геттингене). С их приходом в тот или иной университет анатомические театры переставали испытывать недостаток в трупах, систематически — вне зависимости от установок общества — начинали проводиться вскрытия, создавались богатейшие анатомические коллекции. Вполне естественно, что и преподавание анатомии в таких университетах приобретало преимущественно практический характер, лекции сопровождалась демонстрациями вскрытий и анатомических препаратов; студентам были предоставлены все возможности для изучения анатомии на трупах.

Но таких университетов было меньшинство, и такой характер преподавания для XVIII века являлся скорее исключением, нежели правилом. Не случайно желавшие изучать анатомию стремились именно в эти университеты, не случайно так тесно переплетены судьбы крупнейших анатомов XVIII столетия (А. Галлер — ученик Б. Альбинуса и учитель И. Меккеля, А. Вальсальва также учился у Б. Альбинуса и впоследствии стал учителем Дж. Б. Морганьи и т. п.). Другое дело, что об этих университетах, ставших всемирно известными центрами изучения анатомии, известно все или почти все. Только о них идет повествование в контексте истории развития анатомии, и на основе ознакомления с историко-медицинской литературой складывается впечатление, что практическое преподавание анатомии в XVIII веке являлось уже устойчивой нормой. В подавляющем же большинстве европейских университетов на протяжении почти всего XVIII столетия курс анатомии читался в объеме, соответствовавшем запросам практикующего врача того времени и, следовательно, был ориентирован лишь на ознакомление студентов с достижениями этой отрасли естествознания. Основной формой преподавания являлись лекции, на которых, судя по использовавшимся на медицинских факультетах учебникам, давались краткие описания строения важнейших органов и частей тела. Анатомические демонстрации, работа со студентами в анатомическом театре носили эпизодический характер¹⁰. И то обстоятельство, что анатомия читалась вместе с хирургией,

не должно вводить в заблуждение. Во-первых, такое сочетание дисциплин в рамках одного профессорского курса в XVIII веке было данью традиции, сложившейся еще до возникновения новой анатомии. Во-вторых, в первой половине XVIII века в университетском курсе хирургии читались главным образом вопросы неоперативного лечения "наружных" болезней. Приемы и методы оказания собственно хирургической помощи студенты изучали также только теоретически, поскольку врачи — выпускники медицинских факультетов, как правило, сами не производили операций. В задачи врача входило лишь определение показаний и назначение той или иной операции. Обзорный теоретический курс анатомии и хирургии вполне отвечал этим требованиям. В-третьих, как только произошло воссоединение искусственно разделенных оперативной и медицинской хирургий, как только целью университетского курса хирургии стало обеспечение будущего врача необходимыми знаниями (а позже, на рубеже XVIII—XIX веков, и умениями) для самостоятельного оказания оперативной помощи и он стал включать в себя элементы оперативной хирургии, анатомия и хирургия стали читаться раздельно за счет выделения последней в специальный профессорский курс¹¹.

Таким образом, на протяжении большей части XVIII века отчетливо прослеживаются два различных подхода к преподаванию анатомии. В одних случаях это было подробное изложение и практическое изучение студентами анатомии как таковой в возможно полном объеме. Другой подход заключался в чтении теоретического ознакомительного курса в объеме, который считался достаточным для практикующего врача.

Рассмотрим теперь с этих позиций, как же читалась анатомия на медицинском факультете Московского университета, какой из двух подходов был здесь избран. Сохранившиеся документы свидетельствуют о том, что первоначально создатели Московского университета и первый профессор анатомии медицинского факультета И. Ф. Эразмус полагали необходимым следовать, условно говоря, первому подходу. "Доктор и профессор Анатомии, — читаем мы в высочайше утвержденном "Проекте о Учреждении Московского университета", — обучать должен и показывать практикою строение тела человеческого на Анатомическом театре и приучать Студентов в медицинской практике"¹². За перечисленными обязанностями профессора анатомии кроется несомненное стремление создателей Московского университета организовать преподавание анатомии по образцу и подобию ведущих университетских центров развития этой науки. Трудно сказать, чем руководствовались М. В. Ломоносов и И. И. Шувалов, а именно они явились авторами "Проекта", предлагая такой характер преподавания. Здесь могут быть высказаны две версии.

Нельзя исключить, что М. В. Ломоносов полагал необходимым организовать в рамках медицинского факультета Московского университета центр только естественнонаучной подготовки, имея в виду наличие в России специальных учебных медицинских заведений. Во всяком случае, такое предположение можно сделать на основании его письма И. И. Шувалову. В приводимом в нем перечне предметов преподавания медицинского факультета (анатомия, химия, натуральная история) не нашлось места собственно "врачебным" наукам. А если это так, то анатомия как таковая, вне контекста врачебного образования, как одна из важнейших в тот период естественных наук должна была читаться в возможно полном объеме, а преподавание ее — включать практические занятия в анатомическом театре на трупе.

Но возможна и другая версия. В тексте письма М. В. Ломоносова нет расшифровки обязанностей профессора анатомии¹³. Это сделано уже в "Проекте". Дополнение о том, что профессор анатомии должен "приучать Студентов в медицинской практике" свидетельствует, что И. И. Шувалов не согласился с идеей организации на медицинском факультете центра только естественнонаучной подготовки. В университетах Европы, по образцу и подобию которых он хотел создать университет в Москве, медицинские факультеты обеспечивали не только естественнонаучную, но и общеврачебную подготовку. Од-

⁹Куприянов В. В. Андрей Везалий в истории анатомии и медицины. — М., 1964. — С. 99.

¹⁰Мейер-Штейнег Т., Зудгоф К. История медицины. — М., 1925. — С. 348, 400.

¹¹Сточик А. М., Затравкин С. Н. Преподавание хирургии на медицинском факультете Московского университета в 18 веке // Хирургия. — 1996. — № 2.

¹²Проект о Учреждении Московского университета // Пенчко Н. А. Основание Московского университета. — М., 1952. — С. 144.

¹³Письмо М. В. Ломоносова И. И. Шувалову об учреждении Московского университета // Пенчко Н. А. Основание Московского университета. — М., 1952. — С. 138.

нако И. И. Шувалов сам вряд ли мог внести какие-либо добавления к тексту М. В. Ломоносова. Вероятнее всего, он обратился за консультацией к кому-либо из руководителей Медицинской канцелярии. В этом случае указание на необходимость практического преподавания анатомии в анатомическом театре явилось отражением реально существовавшего в отечественных госпитальных школах положения дел. Анатомия в них преподавалась сугубо практически, что было связано с ориентацией на подготовку хирургов для нужд армии.

Нельзя также исключить, что для И. И. Шувалова вопрос об организации в Московском университете анатомического театра был вопросом престижа. Анатомические театры к середине XVIII века вне зависимости от того, как читалась анатомия, были открыты в большинстве европейских университетов; были они и в России при генеральных госпиталях¹⁴.

Но так или иначе, а высочайше утвержденный "Проект" должен был ориентировать профессора анатомии на необходимость практического преподавания этой дисциплины. И хотя руководители и профессора медицинского факультета, определявшие содержание профессорских курсов, не всегда следовали параграфам "Проекта", данное положение сыграло определенную роль. Именно благодаря ему анатомический театр Московского университета был построен в кратчайшие для России сроки — в течение нескольких месяцев после прихода в университет профессора И. Ф. Эразмуса в 1764 г.¹⁵. Возможно также, что часто упоминаемые в литературе и подтвержденные документально обращения И. Ф. Эразмуса к руководству университета с просьбами обеспечить анатомический театр трупами и закупить необходимый для секционных занятий инструментарий были вызваны стремлением исполнить обязанности профессора анатомии, записанные в "Проекте".

И вместе с тем, к И. Ф. Эразмусу не следует относиться только как к послушному исполнителю чужой воли. История Московского университета сохранила достаточно свидетельств его творческой самостоятельности¹⁶. Актовая речь И. Ф. Эразмуса "О противностях Анатомического учения, увеселением и великою онаго пользою несравненно превышаемых" (1765) позволяет утверждать, что и в отношении того, как надо читать курс анатомии, он имел свою совершенно независимую от положений "Проекта" точку зрения. И. Ф. Эразмус полагал изучение анатомии чрезвычайной важной для дальнейшего развития естествознания, хирургии, судебной медицины, физиологии и даже, хотя и весьма осторожно, определял ее значение для практической деятельности врачей-интернистов: "Когда о болезнях так рассуждать будем, как о ненатуральном состоянии тела, которое Медик должен привести в натуральное: то необходимо должно знать, в чем состоит натуральное оное состояние. Неправильные движения тела в надлежащую умеренность приводить кто хочет, тот необходимо должен знать пределы правильного движения. Ибо как в лечении внутренних болезней анатомическое познание тела человеческого Медику в разных случаях спомоществует так и Хирургу без онаго никаким образом обойтись не можно, разве он человеческим здоровьем, по обычаю площадных врачей, играть хочет"¹⁷. Безусловно И. Ф. Эразмус не следует ставить на один уровень с выдающимися анатомами XVIII столетия. И все же его взгляды на роль и место анатомии среди медицинских дисциплин для середины 60-х годов XVIII века несколько выходили за рамки существовавших во врачебной среде представлений. Более того, есть все основания полагать, что он хорошо знал эту дисциплину. Причем настолько хорошо, что оказался в состоянии высказать свои соображения по вопросам, в которых был несогласен с известным немецким анатомом и хирургом А. Шааршмидтом — автором переведенных и изданных им в Москве в 1767 г. анатомических таблиц¹⁸.

И. Ф. Эразмус считал основой преподавания курса анатомии практические занятия со студентами на трупах. Не слу-

чайно вскоре после перехода И. Ф. Эразмуса в Московский университет, еще до его официального вступления в должность, вероятнее всего по его рекомендации, был приглашен прозектор — будущий профессор анатомии Ф. Ф. Керестури. Однако И. Ф. Эразмусу не удалось реализовать свои замыслы. В 1768 г. в связи с возникшим конфликтом с руководителями университета он оставил медицинский факультет и преподавание анатомии перешло к С. Г. Зыбелину.

Конечно, это был в значительной степени вынужденный шаг. С. Г. Зыбелин в отличие от И. Ф. Эразмуса специально анатомией не занимался и не имел такого опыта практической и педагогической работы. Однако в ходе своейграничной командировки он получил весьма солидную подготовку в этой области у ведущих европейских анатомов. Напомним, что сначала он изучал эту дисциплину под руководством К. Бютнера в Кенигсбергском университете, а затем у Б. Альбинуса в Лейдене и И. Меккеля в Берлине, причем не только теоретически, но и занимался "трупосечениями" в госпиталях¹⁹. Это обстоятельство, наряду с тем, что в его подчинении находился прозектор, позволяет утверждать, что совершенные им преобразования в преподавании анатомии на медицинском факультете Московского университета не были результатом неопытности или незнания предмета молодым профессором, а явились следствием его позиции в отношении того, как и что должно читаться в рамках университетского курса анатомии.

С. Г. Зыбелин, безусловно, понимал, что избранный им в качестве основы курса анатомии многоотомный прекрасно иллюстрированный учебник Я. Винслоу²⁰, одного из крупнейших анатомов XVIII столетия, не мог заменить проведения секционных занятий. Вместе с тем, о попытках организовать такие занятия со стороны С. Г. Зыбелина ничего не известно. Надо полагать, что он исповедовал иной подход к преподаванию анатомии, характерный для большинства университетов Европы и заключавшийся в чтении ознакомительного теоретического курса.

Сменивший С. Г. Зыбелина в 1775 г. Ф. Ф. Керестури был, по-видимому, сторонником такого же подхода к преподаванию анатомии. Об этом в первую очередь может свидетельствовать сделанный им выбор основного источника для изложения своего курса. Им стал учебник профессора Будапештского университета И. Я. Пленка — автора системы учебников и руководств практически по всем медицинским дисциплинам, читавшимся в XVIII веке в университетах Европы²¹. Сравнительно небольшой объем, краткие описания, отсутствие иллюстраций, да и само название учебника — "Сокращение анатомии..."²² являются безусловными критериями того, что он представлял собой пособие для преподавания лишь обзорного курса. Руководство Я. Винслоу не использовал только для преподавания неврологии и спланхнологии, что может служить еще одним доказательством ориентации его курса на потребности в анатомических данных практикующего врача того времени. В 60—70-е годы после выхода в свет труда Дж. Б. Морганьи и появления ряда медицинских теорий, строившихся на принципах раздражимости и возбудимости, например учения В. Куллена, именно эти разделы анатомии стали представлять наибольший интерес для практической медицины. Ф. Ф. Керестури же читал анатомию по Винслоу как раз на третьем году обучения, т. е. в то время, когда студенты приступали к изучению практической медицины²³.

Но несмотря на избранный им подход к преподаванию анатомии, предусматривавший преимущественно теоретическое изложение курса, Ф. Ф. Керестури считал также необходимым и использование элементов практического преподавания. Основания так полагать дают расписания лекций медицинского факультета Московского университета, в которых, начиная с 1775 г., Ф. Ф. Керестури неизменно указывал, что курс анатомии будет читаться зимой²⁴. В те годы, когда естествоиспытатели еще не располагали эффективными консервантами для хранения трупов, анатомические демонстрации и практические занятия в анатомическом театре могли проводиться только в холодное время года. Поэтому указание на

¹⁴Палкин Б. Н. Русские госпитальные школы и их воспитанники. — М., 1959.

¹⁵Рихтер В. М. История медицины в России. — Ч. 3. — М., 1820. — С. 559.

¹⁶Сточик А. М., Затравкин С. Н. Медицинский факультет Московского университета в 1764—1765 годах // Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — Т. 5. — 1996. — С. 170—173.

¹⁷Эразмус И. Ф. Слово о противностях Анатомического учения, увеселением и великою онаго пользою несравненно превышаемых. — М., 1765. — С. 17.

¹⁸Турубинер Л. А. История медицинского факультета Императорского Московского университета от основания до первой Отечественной войны (1764—1812). — Канд. дисс. — Т. 1. — М., 1943. — С. 128—130.

¹⁹Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. — Т. 1. — М., 1855. — С. 341.

²⁰Сточик А. М., Затравкин С. Н. Преподавание на медицинском факультете Московского университета в 18 веке // Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — Т. 4. — 1995. — С. 143.

²¹Там же. — С. 146.

²²Там же. — С. 105.

²³Там же. — С. 103—114.

²⁴Там же. — С. 103—114.

то, что анатомия будет читаться зимой, служит косвенным свидетельством желания профессора ввести элементы практического преподавания. Более того, в расписаниях лекций Ф. Ф. Керестури за 80-е и особенно 90-е годы содержатся прямые указания на то, что он "будет изъяснять Анатомию и показывать удивительный состав тела человеческого над трупами, разнимаемая и приготавливаемая искусным образом"²⁵. И этим искусством Ф. Ф. Керестури, вероятно, достаточно хорошо владел. Напомним, что медицинское образование он получил в Московской госпитальной школе, где анатомия преподавалась главным образом практически, а затем в течение 15 лет исполнял обязанности прозектора и оператора. Скорее всего, упоминаемые М. Я. Мудровым влажные препараты, хранившиеся в анатомическом театре Московского университета, были выполнены именно им²⁶.

Стремление Ф. Ф. Керестури наряду с теоретическим курсом анатомии ввести элементы практического преподавания, на наш взгляд, свидетельствует о том, что он постоянно следил за развитием медицинской науки в целом и анатомии в частности. В 90-х годах XVIII столетия в связи с осознанием значения анатомии для практических медицинских дисциплин и врачебного образования курс этой науки в подавляющем большинстве европейских университетов при сохранении прежней направленности уже стал включать в себя систематические занятия со студентами на трупах. Не случайно М. Я. Мудров характеризовал Ф. Ф. Керестури как человека "глубоких сведений". Произошедшее в начале 90-х годов на медицинском факультете Московского университета выделение хирургии в самостоятельный профессорский курс²⁷ — еще одно тому подтверждение.

Данное В. М. Рихтеру в 1790 г. поручение ввести преподавание самостоятельного курса акушерства еще можно как-то связать с появлением в университете нового преподавателя, но разделение преподавания анатомии и хирургии (1792) было бы ошибкой объяснять фактом прихода В. М. Рихтера. Такой шаг, несомненно, диктовался как потребностью расширить преподавание каждой из этих дисциплин, так и уже имевшимся к этому времени европейским опытом. Инициатива в этом вопросе могла и не исходить от Ф. Ф. Керестури. Предложение о раздельном чтении курсов анатомии и хирургии мог высказать В. М. Рихтер, только что вернувшийся из заграничной командировки, но окончательное решение мог принять только Ф. Ф. Керестури. Его авторитет в Университетской конференции был достаточно высок, и именно от его мнения как профессора анатомии и хирургии зависел дальнейший ход развития событий.

С 1792 г. Ф. Ф. Керестури приступил к чтению нового курса анатомии и судебной медицины. С этого времени преподавание анатомии приобретает ярко выраженную анатомо-физиологическую направленность: "А дабы точнее определить действия многих частей одушевленного тела, — читаем в расписаниях лекций Ф. Ф. Керестури за период с 1792 по 1801 г., — то покажет строение оных и в животных разного рода, почему для делания анатомико-физиологических опытов будет иногда рассекать живых животных"²⁸. У нас нет каких-либо подтверждений тому, что Ф. Ф. Керестури действительно демонстрировал студентам такие опыты. Мы вновь можем говорить лишь о том, какую направленность преподавания анатомии в тот или иной период истории медицинского факультета Московского университета в XVIII веке избирал тот или иной профессор.

Таким образом, можно говорить, что на протяжении 25 лет профессор Ф. Ф. Керестури в преподавании анатомии стремился следовать тому подходу, который был принят в большинстве европейских университетов, и в рамках этого подхода менять объем, содержание и даже характер преподавания в зависимости от развития анатомии и осознания ее места в системе медицинских знаний. Однако полностью реализовать свои планы Ф. Ф. Керестури не смог. По свидетельству М. Я. Мудрова, обучавшегося на медицинском факультете Московского университета во второй половине 90-х годов, реальное положение дел значительно отличалось от деклараций, содержащихся в расписаниях лекций. И у нас

²⁵ Там же. — С. 111—127.

²⁶ Письма М. Я. Мудрова к М. Н. Муравьеву // Чтения в обществе истории и древностей российских. — 1861. — Кн. 3. — С. 26.

²⁷ Сточик А. М., Затравкин С. Н. Преподавание на медицинском факультете Московского университета в 18 веке // Исторический вестник Московской медицинской академии им И. М. Сеченова — Т. 4. — 1995. — С. 83—158.

²⁸ Там же. — С. 113—127.

нет оснований не доверять его словам. Во-первых, в отличие от Н. И. Пирогова и И. М. Сеченова, также критиковавших своих учителей, М. Я. Мудров писал не спустя десятилетия, а вскоре после окончания университетского курса. Во-вторых, нелицеприятной критике он подверг не давно ушедших из жизни людей, а действовавших на момент написания письма профессоров. И наконец в-третьих, письмо, составленное им в Париже в марте 1805 г., носило характер не воспоминаний или частной переписки, а было ответом на официальный запрос попечителя Московского университета М. Н. Муравьева. Все высказанные в нем претензии могли быть легко проверены, и вряд ли молодой ученый, посланный за границу от университета, осмелится бы клеветать на своих учителей. Более того, Ф. Ф. Керестури он был лично многим обязан.

Из текста письма М. Я. Мудрова можно сделать вывод, что Ф. Ф. Керестури читал только теоретический курс. Практическое преподавание было им полностью передано (в 1796 г.) прозектору и адъюнкту И. С. Андреевскому, который не только не исполнял своих непосредственных обязанностей, но даже мешал студентам самим заниматься анатомией. "Г. Прозектор Андреевский, — читаем мы в письме М. Я. Мудрова, — приготовлял для лекций весьма мало... Кроме скелетов не делал ни каких препаратов. Один его артериологический препарат более вреден для учащихся, нежели полезен. Ибо он имел идею отпрепарировать артерии из тела и растянуть их на белой доске...

Упражнения в препарировании трупов (что есть главная вещь в анатомии) было для нас самою трудною вещию. Мы хотели тем вознаграить недостатки нашего Прозектора. Его должность была показывать нам способ препарирования. Но он не только сего не делал, но еще препятствовал нам заниматься разсеканием, или давал протухлые трупы, или не впускал в Анатомию, или ее не топил, или не давал инструментов для наливания сосудов, или поздно требовал трупов из Полиции. Ножи всегда были старые, а самим купить было не на что"²⁹. Подаренная Московскому университету в 1797 г. графом Строгановым коллекция анатомических препаратов в учебном процессе не использовалась. "Он (И. С. Андреевский — Авт.) вовсе не думал об умножении Анатомического Кабинета, которой одолжен своим началом Его Сиятельства, Графа Строганова, — писал М. Я. Мудров, — Сверх того мы не знали, что за цель сих препаратов? Да и он того не ведал. Не делал оным ни какого описания: он употребил прекрасные банки вместо шпалеров в Анатомическом театре"³⁰.

Конечно же, в таком положении был виноват и Ф. Ф. Керестури. Но ему, видимо, попросту не хватало сил организовать преподавание таким образом, как он сам считал нужным и объявлял в расписаниях лекций. М. Я. Мудров отметил также, что и теоретический курс анатомии читался не в полном объеме. Судя по тому, что хирургические и анатомические инструменты, впервые закупленные в 1766 г. по инициативе И. Ф. Эразмуса, более не обновлялись, и в 70—80-е годы практические занятия по анатомии проводились крайне редко. И, надо полагать, чем старше становился Ф. Ф. Керестури, тем все меньше и меньше из задуманного ему удавалось воплотить в жизнь.

Таким образом, пытаясь дать оценку преподаванию анатомии на медицинском факультете Московского университета в XVIII веке, прежде всего необходимо отметить, что тот или иной его характер не может служить для этого основным критерием, поскольку характер преподавания в XVIII веке являлся лишь следствием избранного подхода к изложению курса анатомии. В этой связи преимущественно теоретический характер преподавания анатомии на медицинском факультете Московского университета в XVIII веке свидетельствует лишь о том, что в преподавании анатомии С. Г. Зыбелин и Ф. Ф. Керестури придерживались наиболее распространенного в европейских университетах подхода, согласно которому курс анатомии читался в рамках университетской подготовки медиков и был ориентирован на потребность в анатомических данных практикующих врачей. Только в отношении последнего десятилетия XVIII века, когда уже было осознано значение анатомии для практических медицинских дисциплин и курс этой науки стал читаться в большинстве университетов преимущественно практически (а, судя по расписаниям лекций, профессор Ф. Ф. Керестури это знал), можно говорить о низком уровне преподавания анатомии в Московском университете.

²⁹ Письма М. Я. Мудрова к М. Н. Муравьеву // Чтения в обществе истории и древностей российских. — 1861. — Кн. 3. — С. 25.

³⁰ Там же. — С. 25.